

Глава 10. Отголоски

На следующий день Ли Шэнъань пришёл в себя только ближе к полудню. Стоило разомкнуть веки, как навалилась удушливая дурнота: голова раскалывалась, всё тело налилось свинцовой слабостью. Он огляделся. Комната была чужой, огромной, а сам он лежал один посреди необъятной кровати.

Шэнъань попытался откинуть одеяло и подняться, но унижительная боль в пояснице и в паху заставила его глухо охнуть и навзничь рухнуть обратно на подушки.

«Что случилось?» — превозмогая ломоту во всём теле, он попытался собраться с мыслями.

Вчерашний вечер... Память неохотно, но с беспощадной отчётливостью возвращала детали: банкет, запертая комната, бокал с подсыпанной отравой...

Чем больше он вспоминал, тем сильнее бледнел. Когда картина кошмара восстановилась полностью, его затрясло. Словно раненый зверь, Шэнъань рванулся в сторону и со всей яростью, на какую только хватило сил, перевернул прикроватную тумбочку. С грохотом и звоном полетели на пол ночной светильник и какие-то безделушки, разлетаясь на мелкие осколки.

Он рывком отбросил одеяло. Взгляд упал на собственную наготу, покрытую с ног до головы багровыми засосами и укусами. Горло сдавила удушливая волна стыда и отвращения.

— Лу Чжаньбай, ублюдок! Тварь! — в исступлении закричал он в сторону двери, срывая голос.

Дверь тут же распахнулась. На пороге показался личный телохранитель Чжаньбая.

Смерив взглядом искажённое яростью лицо Шэнъаня, его наготу и пугающее обилие багровых следов на коже, охранник даже бровью не повёл. Он подошёл ближе с абсолютно безучастным видом — подобное зрелище он наблюдал далеко не впервые, и чужие драмы его давно не трогали.

— Молодой господин Шэнъань, у вас есть какие-то поручения? — негромко спросил он, слегка склонив голову.

— Господин?! — Шэнъань судорожно завернулся в одеяло и яростно уставился на него. — К чёрту твоего господина! Где этот выродец?!

— О ком именно вы говорите? — хладнокровно прикинулся дураком охранник.

Шэнъань едва удержался, чтобы не запустить в него уцелевшим торшером, но силы

стремительно покидали его, а боль в теле вспыхнула с изнуряющей силой.

— Лу Чжаньбай! Где этот ублюдок?! — из последних сил выкрикнул он.

— Молодой господин скоро будет здесь, — бесстрастно ответил телохранитель.

— Да на кой чёрт он мне сдался?! Передай ему: я этого так не оставлю! Пусть только покажется — придушу тварь на месте!

Шэнъань тяжело дышал. Ярость душила его, но голос становился всё тише, срываясь на хрип. Высказав всё, он бессильно откинулся назад, жадно глотая воздух.

— Вам лучше отдохнуть, — заметив его слабость, ровным тоном благоразумно произнёс телохранитель. — Я велю принести чего-нибудь из еды.

Отдыхать? В этом проклятом гадюшнике Шэнъань не желал оставаться ни секунды. Он хотел высказать охраннику всё, что думает, но едва мог говорить. С трудом повернув голову, он обвёл комнату мутным взглядом:

— Где моя одежда?

— Боюсь, вчерашние вещи пришли в негодность. Я сейчас принесу вам новый комплект, — ответил тот.

— Не нужно, — раздался от двери небрежный голос.

В комнату вошёл Лу Чжаньбай. На нём был безупречный домашний костюм, а в руках он держал аккуратно сложенную одежду. Лицо его выражало безмятежное спокойствие.

— Молодой господин, — поклонился телохранитель и бесшумно выскользнул в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Они остались наедине.

Чжаньбай остановился у постели, глядя сверху вниз на искажённое злобой лицо Шэнъаня. В его глазах не было ни капли раскаяния. Шэнъань готов был зубами вцепиться в глотку этого мерзавца, но изнурённое тело отказывалось повиноваться. Оставалось лишь бессильно ненавидеть, содрогаясь от душевной боли.

— Ну что, проснулся? Как спалось? — почти заботливым тоном спросил Чжаньбай, аккуратно опуская стопку вещей на край тумбочки.

Шэнъаня тошнило от этой изысканной вежливости. Насильник стоял перед ним с видом невинного джентльмена, словно не совершил ничего предосудительного.

«Соберись. Дыши ровнее», — приказал себе Шэнъань, пытаясь унять бешеную дрожь.

В конце концов, что произошло? Этот подонок растоптал его, взял силой, как последнюю девку. Давно вынашиваемый план ублюдка сработал, а он, дурак, не уберёгся.

Но стоило ли хвататься за нож? Разве это решит проблему?

«Нет. Нельзя», — твердил он себе.

Они из разных миров. Лу Чжаньбаю плевать на законы и мораль — за его спиной власть, шальные деньги и вседозволенность. Он может творить любое беззаконие и оставаться безнаказанным. Но у Шэнъаня не было такого щита. Всё, что он имел, досталось ему с трудом, и этим немногим он дорожил больше жизни. Он не мог допустить, чтобы отец снова страдал, чтобы разбились последние надежды их семьи. Если ради защиты близких нужно переступить через себя, принять это унижение — он стерпит. Иначе он потеряет всё.

Этот выродок просто хотел его тела. Что ж, он получил желаемое. На этом всё должно закончиться. Нужно просто вычеркнуть этот кошмар, запереть его в самые тёмные глубины памяти. Будто его покусала бешеная собака. Больно, гадко, но не смертельно.

Никакой мести. Никакой жалости к себе. Стоит переступить порог этого дома, и они станут чужими людьми. Пусть этот ублюдок катится по своей золочёной дороге в ад, а он пойдёт своей тернистой тропой. Влияние и богатство дают право на безнаказанность в этом мире, но рано или поздно за всё придётся платить. Небеса рассудят.

Балансируя на грани уязвлённой гордости и жестокой реальности, Шэнъань принял решение. Он медленно закрыл глаза.

— Что притих? — Чжаньбай удивлённо приподнял бровь, глядя на внезапно замолчавшего Шэнъаня. С тихим смешком он присел на край кровати. — А только что ведь так кричал.

— Твои вчерашние слова ещё в силе? — Шэнъань открыл глаза. Его взгляд был пугающе спокойным.

— Какие именно? — Чжаньбай растерялся, не ожидая такого тона.

— Насчёт контракта, — бесстрастно уточнил Шэнъань.

— А, это, — Чжаньбай облегчённо рассмеялся. — Моё слово крепко, Шэнъань. Ещё утром я дал

указания Чжан Дэпину. Не только этот контракт — отныне все подобные заказы от «Динсинь» будут идти через тебя. Ну что, доволен?

Шэнъань помолчал, медленно вдыхая прохладный воздух спальни.

— Понял. А теперь убирайся.

— И это всё? — разочарованно протянул Чжаньбай. — Больше не хочешь выпустить мне кишки? Как быстро ты сменил гнев на милость. Впрочем, неудивительно... Вчера в постели ты тоже довольно быстро стал покладистым. Я тебя даже не узнал под конец.

— Заткнись! — Шэнъань резко перебил его, побелев от сдерживаемой ярости. — Это было в первый и последний раз. Надеюсь, больше мы никогда не увидимся. Каждый идёт своей дорогой.

— Что ты имеешь в виду? — Чжаньбай мгновенно растерял свою весёлость. Он подался вперёд, вглядываясь в лицо любовника. — То есть всё, что ты шептал мне вчера ночью, теперь пустой звук?

— Я ничего не говорил. А если что-то и сказал — то явно не тебе предназначалось, — холодно ответил Шэнъань. — Мы из разных миров, Чжаньбай. Живи как хочешь, мне плевать, но я никогда не стану твоей игрушкой. Ты хотел меня — ты меня получил. Утолил свою прихоть, на этом всё. Скажу честно: мне безумно хочется тебя уничтожить. Но я умею смотреть правде в глаза и признаю поражение. У меня нет сил бороться с тобой, нет твоих денег и твоих связей. Я склоняю голову. Так прояви же каплю великодушия и просто оставь меня в покое.

От этих слов в груди Чжаньбая шевельнулась щемящая тоска, природу которой он не мог объяснить. Если бы Шэнъань швырялся вещами, проклинал его или бросался с кулаками, было бы проще. Проверенные методы — угрозы, шантаж, щедрые подачки — быстро вернули бы его к покорности. Но эта тихая, осознанная капитуляция выбила у него почву из-под ног.

Он понимал, что Шэнъань зацепил его не только как желанное тело. Отпускать его Лу не собирался, но как подступить к человеку, который уже мысленно похоронил собственную гордость, Чжаньбай не знал. Он надолго замолчал, погружившись в раздумья.

— Выйди. Мне нужно принять душ, — ровно проговорил Шэнъань.

Но Чжаньбай даже не шелохнулся, продолжая невидящим взором смотреть куда-то сквозь стену.

Поняв, что спорить бесполезно, Шэнъань туго завернулся в плед, с трудом спустил ноги на пол и, покачиваясь от нахлынувшей слабости, побрёл в ванную, прихватив чистые вещи.

Спустя полчаса, когда Шэнъань вышел из ванной, Чжаньбай всё ещё сидел на кровати. Его неотрывный взор сопровождал каждое движение гостя. Игнорируя это внимание, Шэнъань подобрал с ковра свой бумажник и принялся оглядываться по сторонам.

— Что ищешь? — спросил Чжаньбай.

— Телефон и ключи от машины.

— Твой старый мобильник вчера искупался в бассейне, он мёртв, — Чжаньбай поднялся, подошёл к комоду в углу и выдвинул ящик.

Достав ключи, разбитый аппарат и совершенно новую коробку с новеньким телефоном, он протянул всё это Шэнъаню.

— Возьми этот пока. Всё равно валяется без дела.

— Не нужно, — Шэнъань забрал ключи и старый телефон, а коробку брезгливо швырнул обратно на постель. Обойдя хозяина дома, он направился к выходу.

— А если я не согласен? — властный голос Чжаньбая настиг его у самого порога. — Что, если я не приму твои условия?

— Зачем тебе это? — не оборачиваясь, тихо ответил Шэнъань. — В жизни полно других развлечений. Зачем загонять друг друга в угол? Отступись, так будет лучше для всех.

— И чего же тогда хочешь ты? — Чжаньбай сделал шаг вперёд. — Будь со мной, и я дам тебе всё. Карьеру, любые деньги, власть, положение в обществе. Всё, что пожелаешь.

Шэнъань горько усмехнулся.

— Единственное, чего я хочу — это чтобы меня оставили в покое.

С этими словами он переступил порог и закрыл за собой дверь.

Оказавшись за пределами этого душного, пропахшего насилием дома, Шэнъань глубоко вдохнул свежий воздух. Шаги давались с трудом, во всём теле тупой иглой отдавалась боль, но на душе стало на удивление легко. Сейчас он не хотел ни думать, ни анализировать — лишь бы поскорее сесть за руль и умчаться отсюда.

Однако в конце садовой дорожки, как раз у поворота к гаражам, его ждала тонкая фигура в светлой ветровке.

Лу Чжаньлань.

Её длинные волосы мягкими волнами спадали на плечи поверх бежевого плаща. Увидев её, Шэнъань почувствовал, как к горлу подступает тяжёлый ком вины. Что бы ни произошло между ним и её братом, перед этой чистой девушкой он был кругом виноват. Он обязан извиниться.

Шэнъань медленно подошёл к ней. Он уже открыл рот, чтобы сказать слова раскаяния, но Чжаньлань заговорила первой.

— Шэнъань, как ты? — на её лице читалась искренняя тревога. — Брат сказал, что вчера ты сильно перебрал... А потом этот несчастный случай, рана... и то, как грубо он с тобой обошёлся. Я так переживала! Всё утро простояла здесь, ждала тебя. Слава богу, ты на ногах. Но вид у тебя совсем неважный. Обещай, что покажешься врачу, хорошо?

Её слова резанули Шэнъаня по живому. Какая же она чистая, какая невероятно добрая. Как у такого чудовища, как Лу Чжаньбай, могла быть такая сестра? Он ведь оскорбил её вчера своим поведением, а она теперь стоит перед ним, заглядывая в глаза с такой нежной заботой. Будь она из другой семьи, они могли бы стать настоящими друзьями, часами говорить обо всём на свете... Но между ними незримой стеной стоял её брат.

— Спасибо тебе, Чжаньлань, — тихо произнёс Шэнъань.

У него предательски запершило в горле. Вся броня, которую он так тщательно выстраивал в спальне Чжаньбая, грозила рухнуть от нескольких участливых слов.

— У брата ужасный характер, — мягко продолжила девушка. — Пожалуйста, прости его. Он просто совсем не умеет выражать свои чувства. Ты говоришь, что вы едва знакомы, но я же вижу, как сильно ты ему дорог. Прости его за эту дикую грубость.

— Пожалуйста, не надо, — покачал головой Шэнъань.

Он не знал, насколько Чжаньлань посвящена в извращённые игры её брата, но само упоминание имени Чжаньбая отзывалось в нём острой болью.

— Чжаньлань, я должен попросить у тебя прощения. За вчерашнее. Мне безумно стыдно за то, как я повёл себя с тобой. Прости меня, от всего сердца.

— Я знаю, — тепло улыбнулась она. — Тебе не за что извиняться. Я ни капли не сержусь на тебя, правда. Не мучай себя.

— Спасибо, — он взглянул в её чистые глаза. — Мне пора.

— Шэнъань, — негромко окликнула она его, когда он уже сделал шаг мимо. — Мы ведь останемся друзьями?

Шэнъань замер. Не оборачиваясь, он тихо произнёс:

— Забудь это слово. И обо мне забудь. Сделай вид, будто меня никогда не существовало.

«Пусть хотя бы это прощание останется чистым», — добавил он про себя.

Чжаньлань так и осталась стоять на дорожке. Она неподвижно смотрела вслед удаляющемуся Шэнъаню, пока его силуэт не расплылся в пелене нахлынувших слёз.

А со второго этажа, скрытый тенью тяжёлых портьер, за ними наблюдал Лу Чжаньбай.

Фигуры Шэнъаня и его сестры казались сверху двумя хрупкими цветами, беззащитно качающимися на ветру. Но вот порыв бури безжалостно сорвал один из них, закружил в воздухе, заставил на мгновение коснуться лепестками уцелевшего бутона — и унёс прочь, в серую, холодную неизвестность.

<http://bllate.org/book/18227/1752605>